

Литература, 9 класс, муниципальный этап

Время выполнения – 5 часов

Максимальное количество баллов за все задания – 90 баллов

Задание № 1 (70 баллов)

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (прозаического или стихотворного – на ваш выбор).

*Выполняя целостный анализ произведения **Василия Гроссмана**, примите во внимание следующие особенности его содержания и формы (поэтики): система персонажей (ученый и дворняга: противопоставление и одновременное сближение героев); точка зрения повествования (какие эпизоды даны с ориентацией на видение собаки? какие – с точки зрения Алексея Георгиевича?); смысл финала (что хотел узнать у вселенной ученый – и что узнал в результате своей работы?). Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.*

**Василий Гроссман
Собака**

1

Ее детство было бесприютным и голодным, но детство самая счастливая пора жизни.

Особенно хороша была первая весна, майские дни за городом. Запах земли и молодой травы наполнял душу счастьем. Ощущение радости было пронзительным, прямо-таки невыносимым, ей иногда даже есть не хотелось от счастья. В голове и глазах весь день стоял зеленый теплый туман. Она припадала на передние лапы перед цветком одуванчика и отрывисто лаяла сердитым и счастливым детским голосом, приглашая цветок участвовать в беготне, сердясь, насмехаясь, удивляясь неподвижности его зеленой толстой ножки.

Потом, вдруг, она исступленно начинала рыть яму, и комья земли вылетали у нее из-под животика, ее пегие, черно-розовые ладошки и пальчики становились горячими, их обжигала каменистая земля. Мордочка ее при этом делалась озабоченной, словно она рыла себе убежище для спасения жизни, а не играла в игру.

Она была упитанной, с розовым пузом, с толстыми лапами, хотя ела она и в эту добрую пору мало. Казалось, она толстела от счастья, от радости быть живой.

А потом уж не стало легких детских дней. Мир наполнился октябрем и ноябрем, враждой и равнодушием, ледяным дождем, смешанным со снегом, грязью, осклизлыми, отвратительными объедками, они и голодной собаке казались тошными.

Но случалось и в ее бездомной жизни хорошее – жалостливый человеческий взгляд, ночевка возле горячей трубы, сахарная кость. Была в ее собачьей жизни и страсть, и собачья любовь, был свет материнства.

Она была безродной дворнягой, маленькой, кривоногой. Но она успешно преодолевала вражью силу, потому что любила жизнь и была очень умна.

Лобастая дворняжка знала, откуда крадется беда, она знала, что смерть не шумит, не замахивается, не швыряет камней, не топает сапогами, а протягивает кусок хлеба и приближается вкрадчиво улыбаясь, держа за спиной мешковую сетку.

Она знала убойную силу грузовых и легковых машин, они точно знала различие их скоростей, умела терпеливо пережидать транспортный поток и стремительно пробегать мимо остановленных светофором автомобилей. Она знала всеокрушающую прямолинейную мощь электричек и их детскую беспомощность, неспособность подшибить мышь в полуметре от

рельсового пути. Она различала рев, посвист, гул винтовых и реактивных самолетов, тарахтенье вертолетов.

Она знала запах газовых труб, умела распознавать тепло, идущее от скрытых в земле труб теплоцентралей. Она знала ритм работы автотранспорта, обслуживающего мусоропроводы, она знала способы проникать в мусорные контейнеры и урны, мгновенно отличала целлофановую обертку мясных полуфабрикатов, вощеную обертку трески, пломбира, морского окуня.

Черный электрокабель, вылезший из-под земли, внушал ей больше ужаса, чем гадюка, – однажды она коснулась мокрой лапой кабеля с нарушенной изоляцией.

Вероятно, объем технического опыта у этой собаки был больше, чем у бывалых, умных людей, живших за два-три века до нее.

Она была умна, мало того, она была образованна. Не накопи она опыта, соответствующего технике середины XX века, она бы погибла. Ведь случайно забредшие в город сельские собаки погибали сразу, прожив на городских улицах считанные часы.

Но для ее борьбы мало было технического опыта и знаний, необходимо было понимание сути жизни, нужна была жизненная мудрость.

Безыменная, лобастая дворняга знала, что в вечной перемене, в бродяжничестве основа ее существования.

Иногда сердобольный человек проявлял жалость к четвероногой страннице, подкармливал ее, устраивал ей ночлег на черной лестнице. Измена бродячеству сулила гибель. Становясь оседлой, бродяжка связывалась с одним добрым человеческим сердцем и со ста злыми. А вскоре появлялась смерть с вкрадчивыми движениями, в одной руке она держала кусок хлеба, в другой мешковую сетку. Сто злых сердец сильнее одного доброго.

Люди считали, что собака-странница не способна на привязанность, что бродяжничество развратило ее.

Люди ошибались. Тяжелая жизнь не ожесточила бродячую собаку, но добро, жившее в ней, никому не было нужно.

2

Ее поймали ночью, когда она спала. Ее не убили, а отправили в институт. Ее выкупали в теплом, вонючем растворе, и блохи перестали ее мучить. Несколько дней она прожила в подвале, в клетке. Кормили ее хорошо, но ей не хотелось есть. Ее неотступно томило предчувствие смерти, она страдала без свободы. Только здесь, в клетке с мягкой подстилкой и вкусной едой в опрятной мисочке, она оценила счастье вольной жизни.

Ее раздражал глупый лай соседей. Ее долго осматривали люди в белых халатах, один из них, светлоглазый, худой, щелкнул ее по носу и потрепал по голове; вскоре ее перевели в тихое помещение.

Ей предстояло знакомство с наивысшим разделом техники двадцатого столетия, ее начали готовить к великому делу.

Она получила имя Пеструшки.

Вероятно, даже больным императорам и премьер-министрам не делали столько анализов. Светлоглазый, худой Алексей Георгиевич узнал все, что можно знать о сердце, легких, печени, газообмене, составе крови Пеструшки, об ее нервных реакциях и об ее желудочном соке.

Она понимала, что не уборщицы и лаборанты, не генералы в орденах хозяева ее жизни, смерти, свободы, ее последних мук.

Она понимала это, и сердце ее обратило свою нерастрченную любовь к Алексею Георгиевичу, и весь ужас ее прошлого и настоящего не мог ожесточить ее против него.

Она понимала, что уколы, пункции, головокружительные и тошнотные путешествия в центрифугах и виброкамерах, томящее ощущение невесомости, вдруг вливающееся в сознание, в передние лапы, в хвост, в грудь, в задние лапы, – все это шло от Алексея Георгиевича, хозяина.

Но практический разум ее оказался бессилён. Она ждала его, обретенного ею хозяина, томилась, когда его нет, радовалась его шагам, а когда он вечером уходил, ее карие глаза, казалось, увлажнялись слезами.

Обычно после утренней, особо тяжелой тренировки Алексей Георгиевич заходил в виварий – Пеструшка, высунув язык, тяжело дышала, положив лобастую голову на лапы, смотрела на него кротким взором.

Каким-то странным, непонятным образом этот, ставший хозяином ее жизни и судьбы, человек связывался у нее с ощущением весеннего зеленоватого тумана, с чувством моли.

Она смотрела на человека, обрешенного ее клетке и страданиям, и в сердце ее возникала надежда.

Алексей Георгиевич не сразу заметил, что Пеструшка вызывает у него жалостливое, сердобольное чувство, а не только обычный деловой, многоплановый интерес.

Как-то, глядя на подопытную собаку, он подумал, что обыденная для тысяч и тысяч птичниц, свиная привязанность к животным, которых они готовят к смертной казни, – нелепа, безумна. И столь же безумны, нелепы были эти добрые собачьи глаза, этот влажный нос, доверчиво тычущийся в руку убийцы.

Шли дни, приближалось исполнение дела, к которому готовили Пеструшку. Она проходила испытания в просторной кабине – контейнере; сверхдальнее путешествие четвероногого предшествовало длительному и дальнему полету человека.

Алексей Георгиевич пользовался дружной нелюбовью своих подчиненных. Некоторые научные сотрудники сильно побаивались его – он был вспыльчив, случалось, принимал в отношении работников лаборатории жестокие дисциплинарные меры. Старшее начальство не любило его за склонность к тямбам и злопамятность.

Дома он тоже не был легким человеком – у него часто болела голова, и тогда малейший шум раздражал его. Из-за недостатка кислот он страдал изжогой, и ему казалось, что кормят его не так, как нужно, что жена невнимательна к нему и тайно от него помогает своим многочисленным родственникам.

И с друзьями у него были не легкие отношения – он части вспыхивал, подозревал друзей в равнодушии, завистливости. Поссорившись с другом, он страдал, потом начинал мириться, мучительно выяснял запутавшиеся отношения.

Но и к самому себе Алексей Георгиевич относился без обожания и восторга. Иногда он кисло бормотал: «Ох, и надоел же я всем, и прежде всего самому себе».

Кривоногая дворняга не участвовала в служебных интригах, не пренебрегала его здоровьем, не проявляла зависти.

Она, подобно Христу, платила ему добром за зло, любовью за страдания, что он приносил ей.

Он просматривал электрокардиограммы, данные о кровяном давлении и рефлексам, а на него преданно глядели карие собачьи глаза. Однажды он вслух стал объяснять ей, что подобные тренировки проходят и люди, им тоже нелегко; риск, предстоящий ей, конечно, больше того риска, с которым столкнется человек, но ведь ее положение несравнимо с положением собаки Лайки, чья гибель была предрешена.

А однажды он сказал Пеструшке, что она первая за все время существования жизни на земном шаре увидит истинную космическую глубину. Ей выпала дивная судьба! Вторгнуться в мировое пространство, стать первым посланником свободного разума во Вселенной.

Ему казалось, что собака понимает его.

Она была необычайно умна, по-своему, по-собачьи, конечно. Лаборанты и служители шутили: «Наша Пеструшка сдала техминимум». Она легко существовала среди научной аппаратуры, казалось, понимала принципы приборов и потому так поворотливо ориентировалась в мире клемм, зажимов, экранов, электронных ламп, автоматических кормушек.

Алексей Георгиевич как никто умел высосать, выжать совокупную картину жизнедеятельности организма, летящего за тысячи километров от земных лабораторий в пустом пространстве.

Он был одним из основателей новой науки – космической биологии. Но на этот раз его не увлекала сложность задачи. С кривоногой Пеструшкой все получалось не по-обычному.

Он всматривался в глаза собаки. Эти добрые собачьи глаза, а не глаза Нильса Бора первыми увидят мировое пространство, не ограниченное земным горизонтом. Пространство, в котором нет

ветра, одна лишь сила тяготения, пространство, в котором нет облаков, ласточек, дождя, пространство фотонов и электромагнитных волн.

И Алексею Георгиевичу казалось, что глаза Пеструшки перескажут ему, что видели. Он прочтет, он поймет самую тайную из кардиограмм, сокровенную кардиограмму мироздания.

Казалось, собака инстинктом ощущала, что человек приобщил ее к самому большому, что происходило на земле за все времена истории, предоставил ей великое первенство.

Начальники и подчиненные Алексея Георгиевича, его домашние и друзья замечали в нем странные изменения – никогда он не был таким уступчивым, мягким, грустным.

Новый опыт будет особым. Различие его от предыдущих не только в том, что космический снаряд пренебрежет круговой орбитой, врежется в пространство, уйдет от земли на сотню тысяч километров.

Главным в новом опыте будет то, что животное вторгнется в космос своей психикой. Нет! Обратное! Космос вторгнется в психику живого существа. Тут дело уже не в перегрузке, не в вибрациях, не в ощущении невесомости.

Вот перед этими глазами земная прямизна начнет искривляться, глаза животного подтвердят прозрение Коперника. Шар! Геоид! И дальше, дальше...

Омоложенное солнце, сбросив два миллиарда лет, встанет из черного простора перед глазами криволапой сучки. В оранжевом, сиреновом, фиолетовом пламени уйдет земной горизонт. Дивный шар в снегах и горячих песках, полный чудной, беспокойной жизни уплывет не только из-под ног, ускользнет из жизненного ощущения животного. И тогда звезды обретут телесность, обрастут термоядерным мясом, горящим и светящимся веществом.

В психику живого существа вторгнется царство, не прикрытое земным теплом, мягкостью кучевых облаков, влажной силой флогистона. Впервые живые глаза увидят безвоздушную бездну, пространство Канта, пространство Эйнштейна, пространство философов, астрономов и математиков не в умозрении, не в формуле, а таким, какое оно есть, без гор и деревьев, высотных зданий и деревенских изб.

Окружавшие Алексея Георгиевича люди не понимали того, что происходит с ним.

Ему казалось, что он открывает новое познание, выше того, что рождается в дифференциальных уравнениях и показаниях приборов. Новое познание шло от души к душе, от живых глаз к живым глазам. И все то, что волновало его, сердило, вызывало его подозрения и злобу, перестало значить.

Ему казалось: новое качество готовилось войти в жизнь земных существ, обогатить и возвысить ее, и в этом новом было прощение и оправдание Алексея Георгиевича.

3

И вот полет совершился.

Животное ушло в прорубь пространства. Иллюминаторы и экраны были устроены так, что животное, куда бы ни поворачивалась его голова, видело одно лишь пространство, теряло ощущение земной привычности. Вселенная вторгалась в мозг собаки.

Алексей Георгиевич был убежден, что связь его с Пеструшкой не порывается, он ощущал ее и когда корабль был отдален от земли на сто тысяч километров. И дело тут не в телеметрии и не в радиоавтоматике, регистрировавших бешеное ускорение пульса Пеструшки, прыжки ее кровяного давления.

Лаборант Апресьян утром доложил Алексею Георгиевичу:

– Она выла, долго выла, – и добавил негромко: – Жутко, во Вселенной воет одинокая собака.

Приборы сработали с идеальной, прямо-таки фантастической точностью.

Ушедшая в пространство песчинка нашла путь к земле-песчинке, породившей ее.

Тормозные устройства сработали безотказно, контейнер приземлился на заданной точке земной поверхности.

Лаборант Апресьян, улыбаясь, сказал Алексею Георгиевичу:

– Удары неких космических частиц перестроят Пеструшкины гены, и щенки у нее пойдут с выдающимися способностями в области высшей алгебры и симфонической музыки. Кобельки,

внуки нашей Пеструшки, будут создавать сонаты не хуже бетховенских, конструировать кибернетические машины – новых Фаустов.

Алексей Георгиевич ничего не сказал шутнику Апресьяну.

Алексей Георгиевич сам поехал к месту приземления космического контейнера.

Он должен был первым увидеть Пеструшку. Его заместители и помощники на этот раз не могли заменить его.

Они встретились так, как хотел того Алексей Георгиевич.

Она бросилась к нему, робко повилявая кончиком опущенного хвоста.

Он долго не мог увидеть глаз, вобравших в себя мироздание. Собака лизала его руки в знак своей покорности, в знак вечного отказа от жизни свободной странницы, в знак примирения со всем, что есть и будет.

Наконец, он увидел ее глаза – туманные, непроницаемые глаза убогого существа с помутившимся разумом и покорным любящим сердцем.

1960-1961

Выполняя целостный анализ стихотворения Юнны Мориц, примите во внимание следующие особенности его содержания и формы (поэтики): композиционная структура произведения (на сколько частей можно его разделить? какова роль пейзажа? как появляется в нем заглавный «герой» стихотворения?); образ собаки (при помощи каких деталей он обрисован?); соотношение образов бродячей собаки, лирического повествователя и вселенной в стихотворении. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Юнна Мориц
Бродячая собака

Ночной провинции узор.
Угрюмый запах рыбных бочек.
Бессонницы лохматый почерк
Мой расширяет кругозор.

В дыре пустынного двора
Котят лужицу лакают
И пузыри по ней пускают,
Как человечья детвора.

На голом рынке за углом
Лежит пустая таратайка,
Там копошится птичья стайка
В арбузе ярком и гнилом.

Под крышей пляжного грибка
Сажу с бродячею собакой,
И пахнет йодом и салакой
От бесподобного зевка.

Несется в небе сателлит,
Собор во мраке золотится,
Бродячий зверь не суетится,
А рваным ухом шевелит.

Он дышит ровно, сладко, вслух,
Невозмутимо. И похоже,
Его бездомный крепкий дух
Здоров — не лает на прохожих.

Как будто морде шерстяной,
Чье бормотанье бессловесно,
Уже заранее известно,
Что и над ней, и надо мной,

И над чистилищем залива
Зажжется что-то в вышине,
Отвалит жизни ей и мне
И всё разделит справедливо!

1965

Задание № 2 (20 баллов)

Комедия Фонвизина «Недоросль» стала источником многих крылатых выражений: «не хочу учиться, хочу жениться», «имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время», «все вздор, чего не знает Митрофанушка». Выберите из комедии Фонвизина эпиграф для произведения современной литературы (вы можете воспользоваться приведенными строчками или вспомнить необходимые цитаты сами).

Кратко расскажите о выбранном вами произведении современного автора: какие смысловые акценты расставляет выбранный эпиграф? как изменится читательское восприятие произведения при появлении эпиграфа? (примерный объем ответа – 100-130 слов).